

Много кавычек, много скорби. Несколько вопросов к авторам статьи «Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии»

Зислин И.М.

Психиатр. Независимый исследователь. Иерусалим, Израиль.

Резюме. Заметка посвящена критическому разбору методологической статьи «Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии». Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева. 2019. № 1.

Ключевые слова: психиатрия, гуманитарный подход, кризис.

Информация об авторе: Зислин И.М. E-mail: josef@zislin.com

Как цитировать: Зислин И.М. Много кавычек, много скорби. Несколько вопросов к авторам статьи «Кризис естественнонаучного и гуманитарного подходов в психиатрии». *Обозрение психиатрии и медицинской психологии им. В.М. Бехтерева.* 2021;1:25-28. <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-1-25-28>

Critical response to the article «The crisis of natural science and humanitarian approaches in psychiatry»

Zislin Y.

Psychiatrist. Independent researcher. Jerusalem, Israel

Summary. The letter is devoted to the critical review of the basic concepts of the methodological article of Neznanov N.G., Kotsyubinsky A.P., Kotsyubinsky D.A. «Crisis of natural-scientific and human approaches in psychiatry».

Keywords: Psychiatry, human approaches, crisis

Information about the authors:

Zislin Y. E-mail:josef@zislin.com

To cite this article: Zislin Y. Critical response to an article: Neznanov N.G., Kotsyubinsky A.P., Kotsyubinsky D.A. «Crisis of natural-scientific and human approaches in psychiatry». *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Behtereva.* 2021;1:25-28. <http://doi.org/10.31363/2313-7053-2021-1-25-28>

Трудно (но нужно) равняться в науке на Вебера, Маркса и Фрейда, но хочется быть хотя бы на одном уровне с авторами концептуальной статьи. Для развития гуманитарного знания уважаемые ученые предлагают «структурированные дискуссии и столкновение разных школ», помещая свою работу в раздел «Проблемные статьи». Согласимся, что дискуссии в нашей области важны, хотя, к сожалению, очень редки. Постараемся восполнить этот пробел. Правда, не очень понятно, что имеют в виду авторы под обозначением «структурированные дискуссии». Но проблема не в этом, а в том подходе, который авторы декларируют, широкими мазками рисуя глубо-

кий кризис — по сути, гибель современной западной гуманитарной науки.

Надо сказать, что основные пункты нашего критического обзора касаются первой главы статьи под названием «Концептуальный застой современного гуманитарного знания». Тут-то и появляются вопросы к авторам столь громкого заявления, сделанного врачами и историком на страницах психиатрического журнала, в котором редко рассматриваются гуманитарные проблемы.

Солидно выглядит ссылка на издание Вильгельма Дильтея 1883 года, которая показывает хорошее знание авторами немецкого языка и правил библиографии. Не очень, правда, понятно, почему

Автор, ответственный за переписку: Зислин И.М. E-mail: josef@zislin.com

Corresponding author: Zislin Y. E-mail:josef@zislin.com

нужно ссылаться на столь редкое и малодоступное издание, а, например, не на собрание сочинений, вышедшее позже на немецком языке или на русские переводы. Приведенная ссылка не позволяет заинтересованному читателю обратиться к статье Дильтея, ведь не все читатели журнала могут достать и прочесть книгу, изданную более 130 лет тому назад (тем более напечатанную готическим шрифтом).

По ходу изложения авторы с легкостью низвергают всю науку XVII-XVIII вв., обзывая ее «наукообразной», но не делают ни малейшего усилия доказать причину своего пренебрежительного к ней отношения. Авторы при этом не объясняют, что делать со средневековой арабской математикой, древневавилонской астрономией или школой индийских грамматистов (примеры можно продолжить), а ведь эти науки вполне успешно существовали и до XVII века.

Причем сами авторы вполне в духе XVII века декларируют, что «человек, которого рассматривает медицина, одновременно принадлежит к двум разным мирам: телесному <...> и психическому» (С. 9). Положение о двуединстве человеческой природы, дискуссия о телесном и духовном имеет столь же длинную историю (никак не менее трех тысяч лет), как и сам современный антропос. Но авторы об исторических корнях такого постулата не упоминают вовсе.

Надо сказать, что вся первая часть работы пронизана трагическими нотками, и трагичность эта базируется на столь же трагических, но более чем спорных постулатах.

Во-первых, декларируется, причем, без всяких доказательств (как аксиома), что задача гуманитарной науки состоит в том, чтобы «предложить социуму некую “правильную мобилизующую (!) парадигму”». Пусть читателя не смутят двойные кавычки. Именно в кавычки авторы заключают правильную мобилизующую парадигму. Это производит довольно странное впечатление и должно либо указывать на то, что данный термин не выдуман авторами, а заимствован (что вполне возможно, т.к. очень напоминает цитату из партийных документов недавнего прошлого), либо на то, что авторы с этим утверждением не согласны и критикуют его.

Во-вторых, из первой аксиомы выводится вторая: авторы считают, что без ответа на базовые вопросы «ни человек, ни общество не могут чувствовать себя комфортно» (С. 9). Тут мне хотелось бы вспомнить анекдот: интеллигентная бабушка упрекает внука: как можно быть культурным человеком и не знать Толстого, Достоевского, Булгакова?! На что внук отвечает: «А вот Пушкин не читал ни Толстого, ни Достоевского, ни Булгакова! И был культурным человеком».

Так вот, продолжая столь любимую авторами тему, можно вполне уверенно сказать, что ни «гуманитарный нарратив», ни «гуманитарное знание» (кстати, что относят к нему авторы, совершенно непонятно, — психологию, лингвистику, фольклористику, антропологию?) никакой цели

привнести в жизнь мобилизующую парадигму не имеют. Да и не имели. Комфортность, целеполагание и мобилизационный запал несут в себе в основном религии или идеологии, причём любые, независимо от их цвета, коричневая она или красная или красно-коричневая. А комфортность / не-комфортность индивидуума или социума от работанности или неразвитости гуманитарной парадигмы никак не зависят.

Позволю себе заметить, что, например, любая религиозная система представляет собой разработанную мобилизующую парадигму. Существовала и существует она тысячелетиями. И что? Люди не чувствовали себя «потерянными в пространстве и времени»? Иногда да, иногда нет. Но вне всякой зависимости от системы и парадигмы гуманитарного знания. При этом и идеология, и религия на разных исторических этапах нередко декларировали, что всеобщее счастье уже на горизонте или даже достигнуто. Правда, к реальности эти декларации отношения не имели и часто были окрашены отблесками костров инквизиции или свистом пуль в расстрельных домах.

В-третьих, с горечью, достойной лучшего применения, авторы заключают: «Если же функция логически упорядоченной и фактологически обоснованной интерпретации всей совокупности гуманитарных проблем (и каждой из них в отдельности) не выполняется полноценно, общество, нуждающееся в убедительной наукообразной картине мира, через какое-то время начнет испытывать дискомфорт».

Здесь мы бы ожидали хоть каких-либо фактов, но, увы, их нет. А связь между «наукообразной картиной мира» и общественным дискомфортом не очевидна и требует развернутой аргументации и особенно в устах историка. Позволю себе заметить, что и сегодня существуют, например, в джунглях Амазонки довольно примитивные общества, типа пираха, где никакой научной или наукообразной картины мира нет, а уровень дискомфорта скорее гораздо ниже, чем у жителя современного мегаполиса, владеющего и теорией, и концепцией, и идеологией.

Авторы с нескрываемой тревогой подчеркивают, что в результате «концептуального затухания» и «концептуальной прострации» гуманитарных наук на протяжении последних десятилетий в российском обществе наблюдались постоянные и непредсказуемые «шараханья» ряда исследователей, а вслед за ними и значительного числа интеллектуалов-неспециалистов, в сторону антипсихиатрических воззрений» (С. 10); «концептуальное затухание психиатрии порождает в среде психиатров «антинаучные и обскурантистские тенденции <...>»

Позвольте заметить, что концептуальное затухание на нашей памяти возникало именно тогда, когда обществу была предложена четкая, понятная и не терпящая никаких возражений «мобилизующая парадигма», а совсем не тогда, когда идеологические или религиозные вожжи были отпущены и конкуренция между разными научными

школами имела место. Что авторы подразумевают под шараханьем, остается загадкой.

Создается впечатление, что по мнению авторов, концептуальное развитие в противовес «концептуальному затуханию» психиатрии, спасет нас от антипсихиатрии, ненаучных течений и от «тоталитарно-директивных сект» (С. 10). Как и почему авторы связывают концептуальное развитие психиатрии и наличие сект, в статье не указывается.

Завершается же первая глава статьи на трагически-прокурорской ноте: «В целом гуманитарное знание на Западе (по сей день остающемся законодателем научных «мод») превратилось в вялый и многословный “шумовой фон”».

Приговор вынесен. Западная гуманитарная (спасибо, что только гуманитарная) наука умерла, а постмодернизм вбил в ее гроб последний гвоздь.

Правда, и здесь авторы не утруждают себя доказательствами того, как гибнущий Титаник «создает простор для развития не только в обществе в целом, но даже внутри научного цеха, антинаучных и обскурантистских тенденций, представляющих собой, в конечном счете, социальную опасность, затрудняя или делая невозможным осуществление первичной или вторичной психопрофилактики».

Теперь кратко перейдем к психиатрическим главам статьи.

Вполне в духе с выдвинутым ими тезисом о желательности и необходимости «правильной мобилизующей парадигмы» авторы и предлагают и именно как — биопсихосоциальную модель, соответствующей «холистической диагностике и адекватной ей биопсихосоциальной терапии» (С.11).

Оставим в стороне вопрос об авторстве этой модели, приписываемой В. Бехтереву. Она существует, преподается и декларируется уже много лет. Но толку от нее немного — еще и потому, что это лишь формально-объяснительная модель, приложимая для всех случаев клинической практики. А то, что в человеке есть и «био»- и «социо»- и «психо», знали еще древние греки. Считать эту модель сущностной — право авторов «в связи с развитием идей о биопсихосоциальной сущности психических болезней <...>» (С. 11). Позвольте только заметить, что если бы она была сущностной, т. е. отражающей природу болезни, мы бы давно разобрались и с генетикой, и с эволюцией, и со смыслом всех душевных сломов.

Но авторы не удовлетворяются «биопсихосоциальной моделью» и «холистической диагностикой», а внезапно, уже в последних абзацах своей статьи объявляют о необходимости создания «скорейшей разработки полноценной теории эволюционной психиатрии и интеграционной методологии в целях синтеза биологической психиатрии (как естественнонаучной дисциплины) и психосоциальной психиатрии (как в значительной степени гуманитарной науки), без чего невозможен успех комплексных терапевтических усилий» (С. 13).

Приведенные утверждения вызывают вопросы. Как встраивается эволюционная психиатрия в вышеуказанную парадигму? Это ее интегральная часть или что-то иное? С каких пор психосоциальная психиатрия стала частью гуманитарной науки? На том основании, что психиатрия должна быть гуманистической? Или об этом в XIX веке говорил Дильтей?

Психиатрий есть много: феноменологическая, транскультуральная, эволюционная, экологическая, антропологическая и много других. Но если объявить, что психосоциальная психиатрия суть часть гуманитарной науки, а западное гуманитарное знание погибло (как считают авторы), придется лишь сокрушаться и ругать плохих чиновников. Чиновников принято ругать во всех странах. Такая уж у них судьба. Задача же врачей совершенно иная, а именно — постараться понять, что история, социология, лингвистика, антропология и другие гуманитарные дисциплины не только живы и вполне успешно развиваются, но могут предложить современной психиатрии множество интереснейших и продуктивных методологий и концептов (от методологии типологии и классификации, предложенной, например, в археологии, до методов структурной лингвистики и поэтики в филологии), наработанных ими как минимум за последние 150 лет. На самом деле, таких примеров гораздо больше. Нам кажется, например, что стоит обратить внимание на онтологический поворот в антропологии, играющий всё более заметную роль в медицинской антропологии.

Однако, психиатры в лице авторов статьи видят в современном гуманитарном знании лишь пустой шум и мертвечину, недостойную внимания. Стоит ли в таком случае ждать внимания и уважения к психиатрии? Вполне возможно, что и для гуманитариев психиатрия — пугающая архаика, не представляющая ничего интересного. Что ж, будем продолжать пребывать на кладбище, где гуманитарии считают психиатрию почившей в бозе, а психиатры несут венки на могилу гуманитариев.

Разрыв методологий и кризис не в психиатрии. Психиатрия, как нам представляется и как мы писали раньше, до состояния кризиса еще не дожила, поскольку не предложены новые языки описания, не развивается теоретическая психиатрия, да и психиатрические школы ушли в небытие, а бесконечные споры ведутся в основном только вокруг классификаций. При этом собственные методологии не предлагаются, а существующие в других науках игнорируются. Да и никаких собственных методологий и подходов психиатрия не предлагает. Кстати, нужно заметить, что психиатрия совсем не единственная область знания, претендующая на кризис. Подобный этап проходили и естественные и гуманитарные науки, и стоило бы приглядеться к урокам подобных кризисов и поворотов. Но зачем же приглядываться к покойнику?

В заключение несколько замечаний. Наша статья не перегружена ссылками, поскольку в рас-

сма­три­вае­мой пуб­ли­ка­ции они прак­ти­че­ски от­сут­ст­вуют. При­знае­мся че­стно: мы бы не по­сме­ли за­да­вать пси­хиат­рам неп­си­хиат­ри­че­ские во­про­сы, но г-н Д. А. Ко­цю­бин­ский — один из ува­жае­мых ав­то­ров, ис­то­рик по спе­ци­аль­но­сти, спе­ци­алист по ис­то­рии рус­ско­го на­ци­о­на­лиз­ма на­ча­ла XX ве­ка и ав­тор ра­бот по этой те­ме. От него мы впра­ве ожи­да­ем вы­страи­ва­ния серь­ез­ной до­ка­за­тель­ной ба­зы для столь яр­ких кри­ти­че­ских по­ло­же­ний в об­ла­сти гу­ма­ни­тар­но­го зна­ния. Од­

на­ко, как го­во­ри­лось вы­ше, до­ка­за­тель­ств в ста­тье не при­во­дит­ся ни­ка­ких. Это печаль­но, но по­зво­ля­ет нам за­дать не­ко­то­рые во­про­сы в на­де­жде по­лу­чить ясные и ар­гу­мен­ти­ро­ван­ные от­ве­ты.

Ав­то­ры по­ме­сти­ли свою ра­бо­ту в раз­дел «Про­бле­мные ста­тьи». На наш взгляд, рас­сма­три­вае­мая ста­тья бо­лее про­бле­ма­ти­че­ская, чем про­бле­мная. Про­бле­ма­ти­че­ская ее в мно­го­чис­лен­ных не­обос­но­ван­ных и дек­ла­ра­тив­ных по­ло­же­ния­х.

Пос­ту­пи­ла 12.09.2020

Received 12.09.2020

При­ня­та в пе­чать 22.03.2021

Accepted 22.03.2021